

Он дважды завоевал Золотую Пальмовую ветвь в Канне. А сегодня ссорится с английскими цензорами и строит у себя дома нечто среднее между коммуной и монастырем.

Эмир Кустурица только что написал письмо цензуре. «Я не буду ничего вырезать из моего фильма потому что... потому что... я — волшебник из страны Оз!»

«Что скажете?» — спрашивает Кустурица.

Конечно, звучит красиво, но вряд ли подействует на цензора.

«Плевать, — говорит он. — Этот урод доведет меня до психушки. Он готов влезть ко мне в сон!»

Английский цензор попросил режиссера убрать из нового фильма «Жизнь как чудо» двухсекундную сцену, где кот набрасывается на мертвого голубя. Кустурица считает, что это вполне подходящая метафора, показывающая, как в эпоху конфликта идеалисты и невинные души становятся легкой добычей хищников.

Непонятно, почему английский цензор потребовал убрать эти две секунды, но Кустурица категорически отказался подчиниться и даже пригрозил, что вообще запретит прокатывать свой фильм в Великобритании.

«Я не буду ничего вырезать из моего фильма, — сердится он. — Я не понимаю — это что, так важно? Голуби в Англии — священные птицы? Я люблю фильмы Кена Лоуча и ваш футбол, и ваш рабочий класс, и я не верю, что основы английской культуры подорвет одна восточноевропейская кошка. Я вообще не понимаю, в чем проблема. Голубь был уже мертв, мы нашли его на дороге. Ни в одной стране цензура не возражала. Почему в Англии цензура против? Вы убили миллионы индусов и африканцев, и вы приходите в ужас при виде одного несчастного мертвого сербского голубя. Я ценю вашу озабоченность судьбами сербских голубей, но мне никогда не понять, как работает ум англичанина».

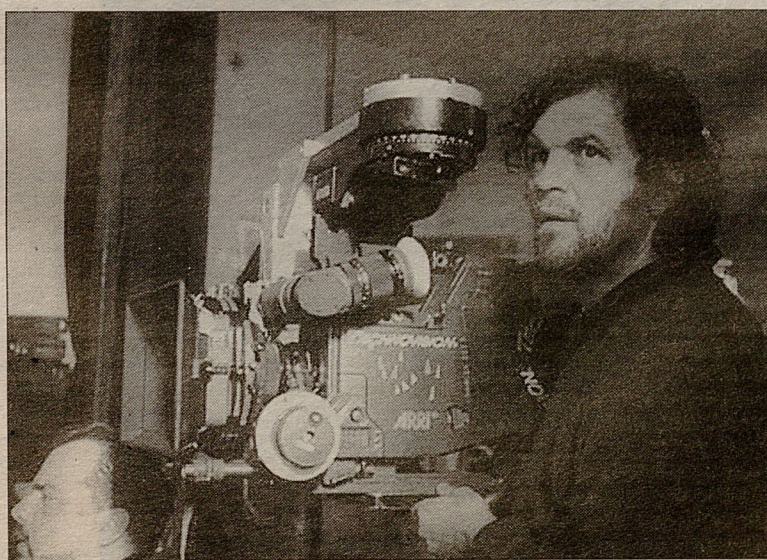
Не менее трудно понять, как работает ум несомненно гениального Кустурицы. О нем рассказывают легенды. И о том, что он обожает оружие и всегда ходит вооруженный до зубов. И что он любит перед завтраком пострелять, чтобы проснуться. И о том, что на его съемочной площадке всегда царит хаос — козы, гуси, цыгане, бродяги мирно (и не очень) уживаются с актерами и техперсоналом. И что во время съемок фильма «Жизнь как чудо» он снимал 12 ночей подряд в городке Качек, а потом не использовал ни секунды из отснятого материала.

Кустурица — ходячий парадокс. Многие боснийцы обвинили его, мусульманина из Сараево, в том, что он в решающий час перешел на сторону сербов. Но Кустурица всегда был одним из самых ярких критиков режима Милошевича. Он вызывал одного из его приспешников на публичную дуэль в Белграде. Он даже подрался на улице с одним из сербских националистов.

Он также непредсказуем и забавен, как его фильмы — «Подполье», «Время цыган», «Папа в командировке», «Черная кошка, белый кот». Легко понять, почему он заставляет людей работать до седьмого пота, и они охотно ему прощают. У него не поклонники,

Монастырь Эмира Кустурицы

Сьюзен ХОУАРД

а последователи: тысячи людей во всем мире ходят на его концерты, если он отправляется на очередные гастроли со своей панк-группой No Smoking Orchestra.

Но вряд ли кто-то мог предвидеть, какой следующий ход сделает Кустурица в своей необычной жизни и карьере. Знаменитый режиссер влез по уши в долги, но построил свою личную утопию (за миллион евро) на высоте трех тысяч футов на горе Тара в Западной Сербии.

«Теперь это мой дом, — говорит он. — Во время войны я потерял Белград, который привык называть своим городом. Хватит с меня городов. Я четыре года жил в Нью-Йорке, десять — в Париже, потом какое-то время в Белграде. Мне кажется, современные города превращаются в аэропорты. Жить в городе униженно, особенно в этой части света. Поэтому сегодня все, что я зарабатываю, я вкладываю в «это».

«Это» началось полтора года назад с пары традиционных деревенских домиков на горном отроге над живописной долиной Мокра Гора. В идеале «это» должно стать современной версией средневекового монастыря. В деревне есть библиотека, самый лучший кинотеатр в Сербии, и, как ни странно, подземный баскетбольный зал — дань уважения трем победам бывшей Югославии на мировых чемпионатах. Деревня Кюстендорф также является заповедником сербских культурных достижений и традиционной жизни — в то время как остальная Сербия, ранее отрезанная от остального мира войной и экономическими санкциями, сегодня в срочном темпе наверстывает достижения глобализации.

«Я останусь здесь. Я хочу делать что-то конструктивное. В Сербии многие ненавидят меня, потому что они хотят идти по западному пути, не понимая, что западный путь — это палка о двух концах. Есть много хорошего, и

есть много плохого. Но у них нет опыта западной жизни, поэтому они даже западное дерьмо считают пирогом».

Кустурица подумывает о том, чтобы снять фильм против потребительства. Он уже сочинил сюжет: дочь проститутки убегает из города вместе с деревенским парнем.

«Меня называют консерватором. Но я не консерватор. Я хочу, чтобы была альтернатива. Чтобы люди не были привязаны к одной-единственной авторитарной корпоративной модели. Я вижу, как в мире происходят тектонические сдвиги, и корпоративный образ жизни становится новым большевизмом. Наверное, это безумие, но я хочу создать место, где люди могли бы жить иначе, где приветствовался бы иной образ мыслей».

Прообразом его буквоческой утопии стал Чиландер — знаменитый сербский монастырь на священной греческой горе Атос. Этот монастырь сохранил славянский ученый дух в эпоху средневековья. Но каким будет очаг славянизма в XXI веке — не представляет себе никто, в том числе и сам Кустурица, который, как он признается, многое делает интуитивно, не задумываясь о будущем.

К сегодняшнему дню он уже заложил и построил 25 домов в соответствии со своими специфическими представлениями о классических пропорциях. Вскоре в очаге славянизма появился горнолыжный склон. Кустурица подумывает о том, чтобы построить себе дом подальше от деревни, потому что сотни его поклонников наезжают на уикэнды, чтобы увидеть его живьем и сфотографироваться в его компании.

«Я хотел построить настоящий монастырь и жить там до конца жизни, но у меня так не получается. Все время приезжают люди, я должен оказывать им гостеприимство. Иногда я чувствую себя словно в стеклянной клетке».

Трудно сомневаться в искренности Кустурицы, хотя он описывает свое решение построить Кюстендорф почти как глас свыше. «Однажды я снимал и увидел, как луч света упал на склон холма. И я понял, что должен построить здесь деревню».

Но больше всего разговоров и пересудов вызвало то, что Кустурица, выходец из боснийских мусульман, построил в центре деревни православную церковь, посвященную ученому 13 века Саве, святому покровителю Сербии. Что бы сказали об этом предки Кустурицы?

«Мой отец был атеистом и всегда считал себя сербом. Может быть, мы действительно были мусульманами на протяжении последних 250 лет, но до этого мы были православными. В глубине души мы всегда оставались сербами. Мы стали мусульманами, чтобы выжить при турках».

Кустурица принципиально отказывается принимать чью-либо сторону в нынешних конфликтах, хотя именно из-за этого он не может вернуться в Сараево — город, который он по-прежнему любит, но где чувствует себя парией. Мокра Гора — самое близкое к Сараево место во всей Сербии, и из окон дома Кустурицы видны горы Боснии. Война обошла стороной этот живописный уголок, а современная цивилизация до него еще не добралась — пастухи до сих пор сами изготавливают сыр, копченые сардельки и пряную ракию.

Мусульманским деревням за холмами не повезло. Многие из тех, кто в 1992 году отказался покинуть свои дома, были убиты. Впрочем, многие сербы тоже погибли. Новый фильм Кустурицы «Жизнь как чудо» начинается за несколько недель до того, как мирная деревенская идиллия разрушается войной и заканчивается во время войны, когда серб влюбляется в мусульманку-заложницу, которую он собирает обменять на находящегося в плену сына-солдата. Кустурица говорит, что фильм основан на реальных событиях, и что он хотел показать, как трудно сохранить лояльность в стране, раздираемой войной. Наверное, в главном герое есть что-то от самого Кустурицы: подобно миллионам граждан бывшей Югославии, он отказывался поверить в возможность войны. «У меня в голове не укладывалось, что подобное возможно в цивилизованной стране. Я не знаю, как пережил все это. К счастью, все осталось в прошлом». Он вспоминает, как американский журналист попытался у него в Канне, почему он не снимает фильмы, обличающие Милошевича. «Я спросил его: «Ты знаешь, что такое «метафора?»»

Сейчас режиссер работает над фильмом о Диего Марадоне — с ним он чувствует духовное родство. «Я тоже ужасно импульсивен — могу довести до безумия любого человека». Он с ностальгией вспоминает гол, который называли «рукой Господней», и рассказывает о культе «Святого Марадоны» в Буэнос-Айресе.

«Многие помнят Марадону только по скандалам, но он был гением. Он поднял себя на божественный уровень. Когда он сказал, что забил гол, потому что им руководил Господь, я его понял. Обыватели всегда стремятся стащить тебя с небес на землю. Но мы должны хотя бы иногда летать и чувствовать эту радость — иначе мы ничто».

Кустурица и Эмир
(фреска)

14.9.03.05
(испорт)